

СТЮАРТ ТЁРТОН

ПОСЛЕДНЕЕ УБИЙСТВО В КОНЦЕ ВРЕМЕН

СМЕЛЫЙ, ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.
НИЧТО И НИКТО В «ПОСЛЕДНЕМ УБИЙСТВЕ» —
НЕ ТЕ, ЧЕМ КАЖУТСЯ...

THE GUARDIAN

ХИТРОУМНАЯ АНТИУТОПИЯ,
ОЧЕРЕДНОЙ ГОЛОВОЛОМНЫЙ ШЕДЕВР.

WOMAN'S WEEKLY

Стюарт Тёртон
Последнее убийство
в конце времен
Серия «The Big Book»

Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/71484385>

*Последнее убийство в конце времен : роман / Стюарт Тёртон ; пер.
с англ. Н. Масловой: Азбука, Азбука-Аттику; Санкт-Петербург; 2025
ISBN 978-5-389-27243-9*

Аннотация

<p>Впервые на русском – новейшая книга автора международных бестселлеров «Семь смертей Эвелины Хардкасл» (перевод на более чем 30 языков, тираж свыше 1 млн только в США и Британии) и «Дьявол и темная вода», «ломающий все жанровые каноны роман-загадка, не похожий ни на что» <emphasis>(А. Дж. Финн, автор «Женщины в окне»)</emphasis>.</p> <p>Смертельный туман покрыл Землю, уничтожив на ней всю жизнь. Уцелел лишь крошечный остров на краю света, окруженный защитным барьером. На острове в гармонии обитают трое старейшин-ученых – последняя связь с древним миром до катастрофы – и сто двадцать два жителя деревни. Но однажды происходит немыслимое – случается убийство. И если за сто семь часов убийца не будет найден,

защитный барьер падет и гибельный туман поглотит последний остров на краю света...</p> <p>«Удивительная и совершенно органичная смесь постапокалипсиса с классическим детективом»<emphasis>(Good Reading, Australia)</emphasis>.</p>

Содержание

Пролог	8
107 часов до полного уничтожения человечества	12
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Стюарт Тёртон

Последнее убийство в конце времен

Ризе

За твое большое сердце – вдвое больше, чем у других. За то, что ты весела, даже когда сердишься. За то, что слушаешь. За то, что тебе не все равно. За то, что ты всегда нальешь мне чашку чая. За то, что встречаешь меня улыбкой, когда я вхожу в комнату. За жизнь, которая исходит от тебя, как солнечный свет. За то, что ты со мной, даже когда это нелегко. Ты мой лучший друг и человек, которого я люблю больше всех на свете. В следующий раз, когда ты заметишь, что я смотрю на тебя, и спросишь, о чем я думаю, знай, что я думаю о тебе. Всегда.

thebigbook.

The Big Book

Stuart Turton

LAST MURDER AT THE END OF THE WORLD

Copyright © Stuart Turton, 2024

All rights reserved

Перевод с английского Натальи Масловой

Карта выполнена Ириной Дудиной



© Н. В. Маслова, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство Азбука®

Как меня просили, привожу список людей, чья жизнь

*или смерть нужна для осуществления твоего плана.
Следи за ними внимательно. Они сыграют важную роль
в грядущем.*

Расследователи
Эмори
Клара (ее дочь)

Их родственники
Матис (дед Эмори)
Сет (отец Эмори)
Джек (муж Эмори – покойный)
Джудит (мать Эмори – покойная)

Ученые
Ниема Мандрипилиас
Гефест Мандрипилиас
Тея Синклер

Важные жители деревни
Хуэй (лучшая подруга Клары)
Магдалина (лучшая подруга Эмори)
Бен (последний прибывший в деревню)
Адиль (дед Магдалины)

Пролог

– Неужели нет другого способа? – испуганно спрашивает Ниема Мандрипилиас вслух у пустой комнаты.

У нее смуглая кожа и чернильное пятнышко на аккуратном носике. Седые волосы падают ей на плечи, синие глаза в зеленых крапинках смотрят пронзительно. На вид ей около пятидесяти, но она выглядела так же и сорок лет назад. Ссутулившись, она сидит за столом при свете одинокой свечи. В дрожащей руке у нее перо, а перед ней признание, над которым она бьется уже час.

– Насколько я могу судить, нет, – отвечаю я в ее мыслях.
– Кто-то должен умереть, чтобы план сработал.

Ниема вдруг чувствует, что ей не хватает воздуха. Она вскакивает, отодвигает стул и выбегает из комнаты прочь, отбросив по дороге рваную простыню, которая занавешивает дверной проем. Но снаружи тоже душно.

Стоит кромешная тьма, луну скрывают грозовые тучи. Дождь хлещет по темной деревне, наполняя ноздри ее жителей запахами влажной земли и кипарисов. Привычный глаз Ниемы даже в темноте различает края окружающих ее стен там, где их обычно серебрит луна. Издалека доносится скрежет механизмов и топот множества ног, синхронный, как барабанный бой.

Ниема стоит, а теплый дождь беспрепятственно мочит ей

волосы и платье.

– Я знала, что это будет дорого стоить, – говорит она нежным голосом. – Но я не подозревала, что настолько.

– Еще есть время отменить план, – говорю я. – Оставь свои секреты погребенными, и пусть все продолжают жить, как жили. Тогда никто не умрет.

– И ничего не изменится, – сердито парирует она. – Я девяносто лет пыталась избавить человечество от эгоизма, жадности и склонности к насилию. И наконец-то нашла способ сделать это.

Чтобы успокоиться, Ниема касается тусклого крестика у себя на шее.

– Если план работает, мы создадим мир без страданий. Впервые в нашей истории люди узнают полное равенство. Нельзя упускать такую возможность только потому, что у меня не хватает сил сделать то, что для этого необходимо.

Ниема говорит так, словно ее мечты – это косяк рыб, охотно плывущий в ее расставленную сеть, но эти воды мутны и куда более опасны, чем она думает.

Моя точка зрения, которая находится внутри ее сознания – как и внутри сознания каждого жителя этого острова, – дает мне возможность предсказать их будущее с высокой степенью точности. Будущее рождается на стыке вероятности и психологии, а их легко проследить, имея доступ к мыслям каждого.

Прямо сейчас вокруг Ниемы носятся десятки вариантов

будущего, и каждый ждет, чтобы его вызвало к жизни случайное событие, пустая фраза, недопонимание или подслушанный разговор.

Если скрипичный концерт прозвучит небезупречно, Ниема получит удар ножом в живот. Если в давно закрытую дверь войдет не тот, кто нужно, из памяти огромного мужчины со шрамами сотрутся все воспоминания, а молодая женщина, которая совсем не молода, добровольно шагнет навстречу собственной смерти. А если не произойдет ничего, последний остров на земле рано или поздно затянется туманом, и все, что на нем есть, просто погрузится во мрак.

– Мы избежим этих ловушек, если будем осторожны, – говорит Ниема, глядя, как молнии кромсают небо.

– У тебя нет времени на осторожность, – повторяю я. – Как только ты приступишь к осуществлению этого плана, все старые секреты и старые обиды выйдут наружу и люди, которых ты любишь, осознают степень твоего предательства. Это разрушит твой план, и человеческий род вымрет через сто семь часов.

Сердце Ниемы бьется скорее, пульс учащается. Она колеблется, но высокомерие скоро снова берет над ней верх, и ее мысли ожесточаются.

– Величайшие достижения всегда сопряжены с величайшим риском, – упрямо говорит она, наблюдая за силуэтами, неуклюже бредущими в темноте один за другим. – Начинай обратный отсчет, Аби. Через четыре дня мы либо изменим

мир, либо погибнем.

107 часов до полного уничтожения человечества

1

По краю света плывут две весельные лодки, между ними туго натянута веревка. В каждой лодке сидят по три ребенка с тетрадками и карандашами в руках и внимательно слушают Ниему, которая проводит урок.

Сидя на носу правой лодки, она жестом показывает на черную туманную стену, которая начинается у самой поверхности океана и уходит вверх на целую милю. Рассеянные лучи заходящего солнца проходят сквозь туман, как сквозь закопченное стекло, создавая иллюзию пламени, горящего на воде.

Внутри стены, мягко светясь, кружатся тысячи насекомых.

— ...их сдерживает барьер, создаваемый двадцатью тремя излучателями, расположенными по периметру острова...

Слова Ниемы проходят мимо ушей Сета, он единственный человек в лодках, кто не обращает внимания на урок. В отличие от детей, которым я от восьми до двенадцати лет, Сету сорок девять, у него морщинистое лицо и запавшие гла-

за. Его работа – подвезти Ниему и ее учеников к стене и отвезти обратно, когда они закончат.

Сет смотрит через борт лодки в воду, опустив в нее пальцы. Океан тепел и прозрачен, но так будет недолго. На дворе октябрь, капризный месяц. С утра, бывает, светит яркое солнышко, к обеду вдруг налетит шторм, повоет, покружит и улетит, точно передумал, а за ним снова останется ярко-голубое небо.

– Излучатели будут работать сотни лет, если только... – Ниема запинается, теряя нить.

Сет поднимает голову и видит, что Ниема сидит, глядя в пространство. Каждый год, много лет подряд, с тех пор как сам Сет был еще ребенком, она проводит этот урок, и он ни разу не слышал, чтобы она хотя бы запнулась, а тем более сбилась с мысли.

Значит, что-то не так. Она с утра такая: смотрит на людей и как будто не видит, слушает вполуха. Совсем на нее не похоже.

Волна приносит дохлую рыбину, которая тычется в руку Сета: живот разодран в клочья, глаза белые. Рыба не одна, их много, и они одна за другой со стуком ударяются о корпуса лодок. Их тела, одинаково разодранные, плывут со стороны черного тумана. Холодная рыба чешуя касается кожи Сета, и он убирает руку.

– Как видите, туман убивает все, к чему прикасается, – говорит Ниема ученикам, указывая на рыб. – К сожалению,

он накрывает всю землю, за исключением нашего острова и океана на полмили вокруг.

2

На самом краю длинного бетонного пирса, который вдаётся в сверкающий залив, скрестив ноги, сидит Магдалина. Ее волосы – спутанная рыжая копна, неумело завязанная желтой полосой ткани, оторванной от полотнища. Женщина похожа на древнюю статую, носовую фигуру затонувшего галеона.

Ранний вечер, в бухте полно пловцов, которые нарезают круги в воде или прыгают со скалы слева от Магдалины, хоча так заразительно, что поневоле хочется плавать и прыгать вместе с ними.

Но Магдалина смотрит на далекие лодки с детьми и штрихами угольного карандаша зарисовывает их в альбом, который держит в руке. Лодки кажутся крошечными на фоне стены тумана.

Магдалина дрожит.

В одной из этих лодок ее одиннадцатилетний сын Шерко. Она никогда не понимала, зачем Ниема упорно возит детей на край света ради этого урока. Разве обязательно быть совсем рядом со своей историей, чтобы изучать ее?

Она помнит, как сама была там в детстве и слушала тот же урок, у той же учительницы. Всю дорогу она заливалась

слезами, а когда они бросили якорь, едва не выпрыгнула за борт, чтобы вплавь добраться до дома.

– С Ниемой дети в безопасности, – успокаиваю я Магдалину.

Она продолжает дрожать. Ей казалось, что, если она сядет на берегу и будет рисовать, наблюдая за лодками, ей будет спокойнее, но она больше не может смотреть. Сын подарен ей всего три года назад, и она до сих пор считает его хрупким – и ошибается.

– Который час, Аби?

– Семнадцать сорок три.

Магдалина записывает на уголке альбомного листа время и дату: отныне история пригвождена к этой шуршащей на ветру странице, как бабочка, проткнутая булавкой.

Сдув угольную пыль с листа, Магдалина встает и поворачивается к деревне. Раньше она была военно-морской базой и поэтому выглядит негостеприимной, хотя на самом деле это не так. Деревню окружает высокая стена; ее сплошь покрывают древние граффити вперемежку с глубокими трещинами, из которых растут сорняки. Из-за стены выглядят сводчатые крыши; с их краев свисают наполовину оторванные водостоки, зато солнечные панели над ними блестят нестерпимо, как огромные зеркала, отражая яркий солнечный свет.

По мощеной дороге Магдалина подходит к ржавым железным воротам: сторожевые вышки по обе стороны от них так

заросли всякой всячиной, что стали походить на живые изгороди.

Впереди показывается общежитие. Это четырехэтажное здание, зигзагообразное в плане, как буква N, сложенное из бетонных блоков, каждый крошащийся дюйм которых разрисован картинами джунглей: причудливыми деревьями, яркими цветами и птицами, животными, крадущимися через подлесок. Так выглядит рай в представлении тех, кто вырос на сухой земле, среди голых скал.

Шаткие лестницы ведут к ржавым балконам, куда выходят двери и окна спален; но в них давно уже нет ни стекол, ни дверей. Кто-то из жителей деревни развешивает на перилах белье, другие сидят на ступеньках, куда изредка долетает ветерок, когда ему удастся одолеть стену. Друзья весело окликают Магдалину, но она так взволнована, что ничего не слышит.

– Где Эмори? – спрашивает она, беспокойно скользя взглядом по лицам.

– У кухни, с дедом.

В поисках лучшей подруги Магдалина идет в пространство между двумя крыльями общежития. Раньше здесь был двор для тренировок военнослужащих, но три поколения жителей деревни постепенно превратили его в парк.

Вдоль всех стен теперь тянутся клумбы с цветами, а старая залатанная антенна радара стала купальней для птиц. Четыре ржавых джипа служат кашпо для трав, из снарядных

корпусов растут лимонные и апельсиновые деревья. В парке есть крытая сцена для концертов и открытая кухня с шестью длинными столами для общих трапез. Каждый вечер за ними собираются все жители деревни.

Их здесь сто двадцать два, и почти все они сейчас во дворе. Одни играют в игры, другие осваивают музыкальные инструменты или пишут стихи. На сцене репетируют спектакль. В кухне готовят еду, пробуют новые рецепты.

И везде весело смеются.

Всеобщая радость ненадолго развеивает беспокойство Магдалины. Она озирается в поисках Эмори. Ее нетрудно найти – почти все жители деревни крепкие и приземистые, и только Эмори тоненькая и хрупкая, с продолговатыми глазами и копной выющихся каштановых волос. Как-то она сама сказала, что похожа на странный двуногий одуванчик.

– Стой спокойно, – говорит ей Матис, выглядывая из-за статуи, которой он занят. – Я почти закончил.

Матису уже под шестьдесят, он самый старый в деревне. У него мощные руки, седые бакенбарды и кустистые брови.

– У меня уже все чешется, – жалуется Эмори, изо всех сил пытаюсь дотянуться до места на верхней части спины.

– Я давал тебе перерыв полчаса назад.

– На пятнадцать минут! – восклицает она. – А я уже шесть часов стою здесь с этим дурацким яблоком.

– Искусство требует жертв, – высокопарно заявляет Матис.

Эмори показывает ему язык, но все же принимает прежнюю позу, поднимая над головой налитое яблоко.

Ворча себе под нос, Матис возвращается к работе и срезает излишек материала с подбородка статуи. При этом он почти касается носом камня. За последние десять лет у него ухудшилось зрение, но тут уж ничего поделать нельзя. А если бы и можно было, то вряд ли стоило бы. Завтра он умрет.

3

Эмори видит, что к ней идет Магдалина с альбомом для рисования под мышкой. Ее движения скованны, каждый шаг выдает беспокойство.

Эмори незачем спрашивать у подруги, в чем дело. Магдалина страдает навязчивым страхом за сына. В каждой травинке на острове ей мерещится змея, а под каждым участком спокойной воды в окружающем его океане – сильное течение. Всякая заноза вызывает сепсис, любая болезнь смертельна. Если верить Магдалине, на их острове найдется не меньше тысячи когтистых лап, и все они тянутся к ее ребенку.

Оставив свою позу, Эмори обнимает подругу.

– Не волнуйся, Мэгс, с Шерко все будет хорошо, – успокаивающе говорит она.

Магдалина, уткнувшись лицом в плечо Эмори, глухо отвечает:

– Одна волна посильнее, и...

– Они на якоре, – говорит Эмори. – Ниема возила детей на край света еще до нашего рождения. И никто ни разу не пострадал.

– Это не значит, что так будет всегда.

Эмори внимательно смотрит в голубое небо. Солнце уже за вулканом, который возвышается над деревней, и на небе проступил абрис луны. Через час она станет яркой.

– Они скоро вернутся, – ласково говорит Эмори. – Пойдем поможем накрыть столы для похорон, и ты отвлечешься.

Она бросает виноватый взгляд на Матиса. Ей следовало бы провести эти последние часы с дедом, но он молча прогоняет ее.

Сорок минут спустя шестеро школьников вбегают в ворота, и в деревне начинается ликование. Магдалина заключает в объятия Шерко, отчего тот смущенно хихикает, а остальные взрослые обнимают и целуют всех ребятишек подряд, передавая их друг другу. Родители получают своих детей взъерошенными, но довольными.

Люди тепло перешептываются, расступаясь, чтобы пропустить Ниему. В деревне трое старейшин, и жители одинаково почитают всех, но любят только ее. Они гладят ее по рукам, когда она проходит мимо, их лица светятся обожанием.

Ниема успевает одарить улыбкой каждого, по очереди пожимая протянутые к ней руки. Еще двое старейшин, Гефест и Тея, держатся особняком, но Ниема всегда ужинает с жи-

телями деревни. Она танцует вместе со всеми и поет, во весь голос подтягивая припев.

Желая успокоить Магдалину, Ниема сначала кладет руку ей на плечо, потом пальцем приподнимает ей подбородок. Она на голову выше почти всех в деревне, и Магдалина вытягивает шею, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Я знаю, что ты беспокоишься, но напрасно: я никогда не подвергну опасности детей, – говорит она низким хрипловатым голосом. – Нас осталось так мало. Мы должны заботиться о безопасности каждого ребенка.

Слезы выступают на глазах у Магдалины, выражение благоговейной благодарности проступает в лице. В отличие от Эмори, она не улавливает легкой заминки в словах Ниемы, не слышит едва заметной нотки сомнения.

Подбавив еще сантиментов, Ниема покидает жителей деревни и с Эмори под руку направляется к общежитию.

– На несколько дней хватит, – говорит Ниема, когда Магдалина уже не может их услышать. – Приходи за мной в следующий раз, когда она начнет волноваться. Я боялась, что она вплавь погонится за нами.

– Я битый час ее уговаривала, и все без толку, – отвечает Эмори, оглядываясь на Магдалину, которая застыла с блаженным выражением на лице. – Как ты смогла успокоить ее так быстро?

– Просто я старая, – бодро отвечает Ниема. – Для молодежи мои морщины – подтверждение моей мудрости. – Она

похлопывает Эмори по руке и заговорщицки шепчет: – Пойдем, у меня есть для тебя еще книга.

Сердце Эмори подпрыгивает от волнения.

Взявшись за руки, женщины в дружеском молчании идут сквозь влажный воздух, который с наступлением сумерек наполняется светлячками. Эмори особенно любит это время суток. Небо становится розовым и фиолетовым, каменные стены краснеют. Свирепая жара сменяется мягким теплом, жители возвращаются в деревню, заполняя ее пустоту своей радостью.

– Как плотничаешь? – спрашивает Ниема.

До пятнадцати лет все жители деревни ходят в школу, а после пятнадцати начинают работать – кем угодно, лишь бы работа приносила обществу пользу. И только Эмори уже десять лет занимается то одним, то другим, то третьим, но нигде не достигает успеха.

– Я больше не плотничаю, перестала, – признается она.

– О, почему?

– Йоханнес просил, – смущенно отвечает Эмори. – Оказалось, что я совсем не умею пилить, строгать или делать стыки, а плохой шкаф не стоит того, чтобы терять из-за него палец, так он сказал.

Ниема смеется:

– Ну а готовка? С ней как?

– Катя сказала, что шинковать лук – лишь начало кулинарных навыков, а не их венец, – удрученно говорит Эмори.

– Дэниел сказал, что я могу держать гитару как угодно, все равно будет звучать одинаково плохо. Мэгс на полдня одолжила мне краски, а потом смеялась неделю. В общем, я безнадёжна во всем, за что ни возьмусь.

– Зато ты очень наблюдательная, – мягко замечает Ниема.

– Что толку, если Аби все равно видит каждый наш шаг, – безутешно отвечает Эмори. – Я хочу приносить деревне пользу, но не знаю как.

– Знаешь, я тут подумала, может, ты захочешь поработать со мной в школе? – неуверенно предлагает Ниема. – Скоро мне понадобится замена, и, по-моему, ты с этим отлично справишься.

Предложение Ниемы застигает Эмори врасплох, и она хмурится. Сколько она себя помнит, в деревне не было других учителей, кроме Ниемы. И никто больше не помнит других учителей.

– Ты отказываешься от школы? – удивленно спрашивает Эмори. – Почему?

– Возраст, – говорит Ниема, поднимаясь по дребезжащим ступенькам общежития. – Преподавание молодит душу, но мучает мою бедную спину. Я прожила долгую жизнь, Эмори, но все мои самые счастливые воспоминания связаны с классной комнатой. Видеть восторг на лице ребенка, когда тот схватывает суть сложной идеи, – это ли не радость. – Она приостанавливается на подъеме и оглядывается через плечо. – Я уверена, у тебя прекрасно получится.

Эмори превосходно распознает ложь, вот и теперь измененный тембр голоса Ниемы выдает ее с головой.

Молодая женщина подозрительно прищуривается:

– И какие именно мои качества заставляют тебя так думать?

Ниема тут же выпаливает ответ, так уверенно, как будто долго его репетировала:

– Ты умна, любознательна и умеешь найти подход к людям.

– Да, я их раздражаю, – поддакивает Эмори. – Ты говорила с моим отцом?

Ниема умолкает, а когда находится с ответом, в ее тоне слышится неуверенность.

– Кажется, он упоминал, что у тебя снова перерыв в занятиях, – отвечает она. – Но я бы не стала тебе предлагать, если бы...

– Скажи папе, что я пишу пьесу!

Ниема бросает на нее косой взгляд:

– Ты уже целый год ее пишешь.

– Не хочу торопить события.

– А можно бы иногда, – бормочет Ниема, откидывая потрепанную простыню, которая заменяет в ее комнате дверь.

Эта простыня всегда была ее причудой. Никого из жителей деревни не смущают зияющие проемы дверей; да и какую ценность может иметь уединение для тех, в чьих головах с рождения звучит голос, читающий все их мысли.

Много лет подряд жители деревни пытаются отремонтировать общежитие, но здание так старо, что сделать в нем уже почти ничего нельзя. Бетонные стены всюду в трещинах, а где и в дырах; серая плитка на полу давно расколота, стропила прогнили. Пахнет плесенью.

Распад вызывает тоску, и жители борются с ней красками и жизнью. Ниема расстелила у себя большой ковер, а на подоконнике ее комнаты всегда стоит ваза со свежими цветами. На стенах висят работы всех, кто когда-либо занимался живописью в деревне. Хороших среди них мало, что заставляет Эмори задуматься, зачем Ниема хранит их. Во многих случаях голый бетон был бы предпочтительнее.

Ставни в комнате закрыты, чтобы внутрь не залетали насекомые, поэтому Ниема зажигает на шатком письменном столе свечку. Ее мерцающий огонек освещает неоконченное письмо, которое Ниема поспешно убирает в ящик.

– И сколько ты уже написала? – спрашивает она, когда, прикрыв пламя свечи от колебаний воздуха, подходит с ней к полке с книгами рядом с железной кроватью.

– Четыре страницы, – признается Эмори.

– И как, хорошо получилось?

– Нет, – говорит Эмори с тревогой. – Оказывается, я пишу пьесы не лучше, чем шью обувь, работаю по дереву или клею воздушных змеев. Похоже, у меня хорошо получается только замечать то, что отказываются видеть другие, и задавать людям вопросы, которые они предпочли бы оставить без от-

вета.

– О, не волнуйся, – отвечает Ниема, ведя пальцем по плотно сдвинутым корешкам книг в поисках нужной. – Одни люди рождаются, уже зная, что они будут делать в жизни, а другим требуется время, чтобы найти свое предназначение. Мне сто семьдесят три, я начала преподавать, когда мне перевалило за восемьдесят, а после уже никогда не хотела заниматься ничем другим. То же может случиться и с тобой, если ты попробуешь.

Эмори обожает Ниему, но терпеть не может, когда та говорит о своем возрасте. Никто в деревне не проживет и половину тех лет, что прожила Ниема, и ее частые небрежные упоминания о своем долголетии кажутся Эмори обидными, а то и жестокими, как сегодня, когда ее дед так близок к смерти.

– Ага, вот она, – восклицает Ниема, извлекая из середики книжного строя старую книжку в потрепанной мягкой обложке. – Называется «Сэмюэль Пипс и визжащий шпиль». Ее нашел Гефест в заброшенном вагоне поезда несколько недель назад.

Ниема вкладывает книгу в руки Эмори и видит смятение на ее лице.

– Я знаю, ты предпочитаешь Холмса, – говорит она, постукивая по аляповатой обложке. – Но дай Сэмюэлю шанс. Тебе понравится. Здесь целых три убийства!

Она понижает голос – знает, что мне не нравится, когда

жители деревни говорят об убийстве или просто используют это слово.

Последнее убийство на Земле случилось девяносто с лишним лет назад, незадолго до конца света. В Найроби, на лестничной клетке, двое друзей поспорили из-за того, кто из них получит повышение по службе. В порыве ярости один толкнул другого, тот упал с лестницы и сломал себе шею. Убийца едва успел задуматься, сойдет ли ему это с рук, когда из-под земли вдруг повалил туман. Одна секунда, и он умер, а вместе с ним умерли все те, кого он знал, и огромное количество тех, о ком он не имел и понятия. С тех пор убийств больше не было. Об этом позаботилась я.

Больше никому в деревне не разрешается читать эти книги, но для Эмори сделано исключение: их головоломки – единственное, что может надолго удовлетворить ее ненасытное любопытство.

– Только никому ее не показывай, – предупреждает Ниема, когда они выходят из комнаты на балкон. – А то испугаются.

Эмори крепко прижимает запрещенную книгу к животу.

– Спасибо, Ниема.

– Отплати мне, придя завтра в школу. – Видя, что возражение готово сорваться с губ Эмори, она поспешно добавляет: – Не потому, что этого хочет твой отец. Ты сделаешь одолжение лично мне. Если тебе не понравится, вернешься к своей пьесе.

Взгляд Ниемы скользит куда-то поверх плеча Эмори, и молодая женщина оглядывается. В ворота деревни входит сын Ниемы, Гефест. Его бритая голова низко опущена, а широкие плечи ссутулены так, словно на них давит небо.

Гефест приходит в деревню, только когда нужно что-то починить или построить. В остальное время он живет один в дикой местности, и это так пугает Эмори, что даже упоминание о нем вызывает у нее беспокойство.

– Что он здесь делает? – спрашивает она вслух.

– Ищет меня, – рассеянно отвечает Ниема.

Взгляд Эмори возвращается к лицу старейшины. Она считала, что знает все настроения своей учительницы, но теперь видит в ее чертах нечто такое, чего никогда раньше не видела. Кажется, это неуверенность, а может быть, и страх.

– С тобой все в порядке? – спрашивает ее Эмори.

Ниема смотрит на нее, но думает, видимо, о сыне.

– Завтра вечером я собираюсь провести один эксперимент, который не получался у меня уже много раз, – говорит она, подбирая слова так медленно, словно ощупью бредет в темноте. – Если и теперь ничего не выйдет... – Она замолкает, нервно прижимая руки к животу.

– Если ничего не выйдет... – подталкивает ее Эмори.

– Тогда мне придется совершить непростительное, – говорит она, наблюдая, как Гефест исчезает за кухней. – А я не знаю, хватит ли мне на это сил.

Адиль в бинокль следит за Эмори и Ниемой, которые разговаривают на балконе общежития, и его сердце бешено колотится.

Он сидит на середине восточного склона вулкана, куда забрался по лавовым трубкам, которых на этом участке полно. Вокруг него толстая корка пепла и черные скалы с острыми как бритва краями. Как будто это мысли Адила вырвались из него и опалили землю.

До деревни отсюда тридцать миль, но он выбрал этот наблюдательный пункт, потому что отсюда хорошо просматривается все, что за стеной.

Он видит, как Эмори утешает Ниему, нежно обнимая ее. Рука молодой женщины лежит на руке старейшины. Каждая секунда наблюдения обжигает, растекаясь ядом по его венам.

Я не советую ему быть добрее. Зачем? Последние пять лет он все равно не думает ни о чем, кроме мести. Мне приходится напоминать ему, что надо поесть, и он делает это нетерпеливо: грызет сырые корнеплоды, едва выдернув их из земли, или жует фрукты, которые не глядя срывает с деревьев.

Ему пятьдесят восемь, но выглядит он на десять лет старше. Плоть туго обтягивает его хрящи и кости, лицо иссу-

дало, черные волосы поседели, карие глаза стали тусклыми. Кожу покрывают пятна – явные признаки какой-то внутренней хвори, иногда на него нападают приступы кашля, от которых сотрясается его грудная клетка. Будь на его месте кто-то другой, я бы приказала ему немедленно вернуться в деревню, где о нем позаботились бы или хотя бы скрасили ему последние дни.

Увы, это невозможно. Адиль – единственный преступник на острове, и за свое преступление он наказан изгнанием.

– Она думает, что Ниема ей друг, – ворчит он себе под нос – разговоры с самим собой вошли у него в привычку с тех пор, как он стал изгоем. – Знала бы она, что эта подруга у нее отняла.

Когда Эмори торопливо уходит, прижимая к себе книгу, Ниема бросает взгляд на вулкан. Она не видит Адилья на таком расстоянии, но знает, что он там. Я каждый час сообщаю ей, где он. Адиль – один из немногих по-настоящему опасных людей на острове, поэтому Ниема предпочитает знать, где он находится в каждую конкретную минуту.

Судорожно втягивая носом воздух, Адиль смотрит на свой нож, представляя, как вонзает его в живот Ниемы. Он хочет однажды увидеть, как закатятся ее глаза, когда из них будет уходить жизнь. Он мечтает об этом, страстно, как ни о чем не мечтал с самого рождения.

– И что хорошего принесет тебе месть? – спрашиваю я. – Что будет потом, ты не думал? Какой станет твоя жизнь,

когда ты убьешь человека, а? Что ты будешь чувствовать?

— Я буду чувствовать, что полдела уже сделано, — отвечает он. — Ниема — худшая из них, но я не остановлюсь, пока в печи не окажутся Гефест и Тея. Пока они живы, мы не будем свободны.

— Твое поведение нелепо, — говорю я. — Что бы ты ни задумал, я их предупрежу. Ты никогда не сможешь подкрасться к ним незамеченным.

«Ты не сможешь следить за мной вечно», — думает он.

Но он ошибается. Я уже была в его мыслях, когда он родился, и буду там, когда он будет умирать. Я смотрела за его предками и буду смотреть за его потомками. Людей осталось совсем мало, их нужно беречь, и почти все они в деревне. Вот почему ее нужно сохранить любой ценой.

5

Наступают сумерки, в темно-синем небе прорезается узкий серпик луны.

Деревня мерцает огоньками свечей, звенит смехом и музыкой. Музыканты играют, большинство жителей танцуют перед сценой, среди них и Ниема. Завершаются поминки по Матису. Скорбь здесь неуместна. Больше не уместна.

Мерцающие свечи на длинных столах и траурные фонарики над ними освещают остатки вечерней трапезы. Фонарики сделаны из цветной рисовой бумаги и развешаны на ве-

ревках, натянутых между крыльями общежития, по одному от каждого жителя деревни; в каждый фонарик вложена записочка с воспоминанием о чем-нибудь добром, что сделал дарителю Матис.

Так здесь почитают умерших. Вспоминают, что те давали миру и что теперь придется делать другим, чтобы восполнить пробел. Здесь никто не молится, никто не размышляет о жизни после смерти. Хорошо прожитая жизнь – сама по себе награда.

Матис сидит в центре длинного стола, в окружении старых друзей. Они смеются, вспоминая былое, зная, что их дни тоже подходят к концу. Люди на острове всегда умирают в свой шестидесятый день рождения, даже здоровые. Сначала веселятся на своих поминках в компании друзей и близких, а потом ложатся спать как обычно. Ночью их сердце перестает биться. Всю жизнь они беззаветно служат другим, так что легкая смерть в своей постели – это меньшее, что я могу им дать.

Через железные ворота в высокой стене вокруг деревни Эмори выходит на пирс, оставляя позади звуки празднования.

По ее щекам текут слезы, и она не хочет, чтобы кто-нибудь видел ее эгоизм. В отличие от многих в его поколении, ее дед дожил до шестидесяти лет. Каждый день своей жизни он служил деревне и теперь уходит без сожаления.

Он точно знает, когда умрет, и потому может позволить

себе роскошь долгого прощания. За прошедшую неделю он повидался со всеми, кого хотел увидеть. Все, кого он любит, знают об этом, а он, в свою очередь, полон их любви. Все слова сказаны, никаких недомолвок не осталось.

Эмори может только надеяться умереть такой же удовлетворенной, как ее дед, и все-таки горе давит ей на грудь, разрывая сердце.

Мать Эмори скончалась от лихорадки, когда девочке было двенадцать лет, после чего ее отец отдалился от семьи, как будто тоже умер. Бабушки не стало еще раньше, так что именно Матис читал внучке истории на ночь и давал задания днем; бессмысленные, неблагодарные, они должны были отвлечь ее от боли из-за потерянной семьи.

Но утешение ей приносил лишь звон дедовского резца, ударяющего по камню, и мысль о том, что она никогда больше не услышит этот звук, невыносима.

В галечной бухте слева от пирса раздается ритмичный стук молотка. Слишком темно, чтобы разглядеть, кто там, но Эмори догадывается.

Ощупью она огибает четыре вытащенные на берег лодки, идя на стук; у последней, которая называется «Широкое днище», она застает Сета, который ремонтирует корпус лодки при свете фонаря. Прилив уже начался, и волны игриво хватают его за пятки. Услышав хруст гальки, Сет поднимает голову и бросает быстрый раздраженный взгляд на дочь.

У него густые, насупленные брови, крючковатый нос и

квадратная челюсть, которая щелкает, когда он ест. Широкие плечи переходят в две крупные руки, покрытые завитками темных волос и перепачканные смазкой. Когда-то они были сильными, но теперь мышцы ослабли, пустая плоть обвисла.

По сравнению со всеми остальными в деревне в Сете есть что-то первобытное, как будто природа вылепила его из глины, наметила на лице глаза, а потом отложила его в сторону, да так и не вернулась к нему: нечего тратить время на неудачную работу.

– Ты работаешь? – удивленно спрашивает его Эмори.

Она пришла сюда, ожидая найти его подавленным горем, как и она сама, но теперь понимает, что это было глупо. Жизнь каждого обитателя деревни – это служение. Заботься сначала о других, а уж потом о себе – ее отец предан этому идеалу. Вот почему он сначала заделает пробоину в днище, починит крышу, соберет овощи и затопит печь, в которой кремируют его отца, и только потом заплачет. По его мнению, печаль – это проявление эгоизма, которое вызывает в людях скорее жалость, чем презрение.

– В лодке дыра, – говорит он, продолжая стучать молотком.

– Ты не хочешь увидеть Матиса?

– Мы разговаривали сегодня утром, – хрипло отвечает Сет.

– Он же твой отец.

– Поэтому мы и разговаривали утром, – повторяет он, забивая очередной гвоздь.

Эмори прикусывает губу, испытывая обычную усталость. Каждый ее разговор с отцом похож на этот. Словно камень, который она катит в гору.

– Ниема предложила мне сегодня работу.

– Она сказала мне, – отвечает он, вгоняя в дерево следующий гвоздь. – Ты должна принять ее предложение. Это огромная честь, а все остальное ты уже перепробовала. Пора уже найти, чем ты будешь служить деревне.

Эмори принимает выговор молча, наблюдая, как уходит в гальку пенистая волна. Море в этот час черное как смоль, залив теряется в темноте. У нее возникает искушение пойти искупаться, но комендантский час уже близок. Эмори довольствуется тем, что, не снимая сандалий, заходит на несколько шагов в полосу прибоя ополоснуть ноги. К концу дня они всегда такие пыльные.

– Ниема чем-то расстроена, – говорит она, чтобы сменить тему. – Ты не знаешь чем? Мне она сказала, что ей нужно провести какой-то эксперимент, и больше я ничего от нее не добилась. Но и это звучит серьезно.

– Понятия не имею, – отвечает он, выравнивая очередной гвоздь. – Я заметил, что она чем-то озабочена, но она ничего не сказала.

– А ты ее спрашивал?

– Это не мое дело.

– Жаль, что она не позволяет нам помочь.

– Это все равно что жалеть, что ты не можешь поддержать на своих плечах солнце. – (Новый гвоздь входит в дерево.) – Рядом с заботами Ниемы мы – карлики. Если ей понадобится помощь, она обратится к кому-нибудь из старейшин. А нам лучше думать о том, с чем мы в состоянии справиться.

Он делает многозначительную паузу, прежде чем перейти к теме, которая его волнует:

– Как Клара?

Не так давно Тея выбрала дочь Эмори своей ученицей, так что теперь она исследует остров. Испытания в тот раз прошли только двое. Сейчас Клара изучает математику, инженерию, биологию и химию, занимаясь вещами, которые выходят далеко за пределы понимания большинства жителей деревни.

– Я отправляла ей сообщения через Аби, но она пока не ответила, – говорит Эмори, не сводя глаз с темного океана, словно загипнотизированная им. – Наверное, еще сердится.

Молоток Сета висит в воздухе, потом с глухим стуком ударяется о гвоздь. Судя по тому, как надулись жилы на его шее, он едва сдерживается.

– Не стоит держать гнев в себе, – коротко советует ему Эмори, распознав его настроение.

– Со мной все хорошо, – ворчит он.

– Просто скажи все, что ты думаешь, папа, – не отступает она. – Покричи, и тебе станет легче, вот увидишь.

– Стать учеником Теи – мечта каждого ребенка, – цедит он сквозь зубы. – Неужели ты не могла порадоваться за Клару? Хотя бы вид сделать, что радуешься? Ты даже на ее прощальный ужин не пришла.

– Я не могла праздновать то, чего никогда для нее не хотела, – говорит Эмори, вытирая с предплечья капли морской воды.

Закончив с теоретической частью, Тея дает ученикам работу: проводить эксперименты в ее лаборатории и исследовать остров в поисках перспективных технологий для спасения. Должность пожизненная, но мало кто из учеников проживает хотя бы десяток лет. Эта опасная работа уже отняла у Эмори мужа и мать. Вот почему она делала все возможное, чтобы удержать от нее дочь, и это возмущало Сета.

– Тот ужин был самым счастливым днем в ее жизни, – продолжает он, понемногу распаляясь. – Я не видел ее такой улыбчивой с тех пор, как умер ее отец. Она хотела, чтобы ее мать была рядом и праздновала вместе с ней, а ты дулась.

– Я не дулась.

– А что же ты делала? Ты – единственная, кто отказался от шанса стать ученицей. Неужели ты ждала, что и Клара поступит так же?

– Я не отказывалась, – говорит Эмори, возвращаясь к старому, давно надоевшему ей спору. – Я попробовала, и мне не понравилось. Ты же знаешь, что за жизнь у учеников: они вечно бродят по острову, лазают в руинах, копаются в ста-

рых машинах, хотя сами едва понимают, как они устроены. Сколько учеников Теи увечилось? И сколько их выжило?

– То есть ты трусиха? – горько выплевывает Сет.

– Нет, я наблюдательная, – парирует Эмори. – Я заметила, что Тея никогда не стоит рядом с машинами, когда те взрываются.

– Ты говоришь о старейшине, – кричит он, сердито швыряя молоток на гальку. – Прояви хоть немного уважения.

Эмори смотрит на него, онемев от злости.

– Старейшины – наша последняя связь с древним миром, – продолжает Сет, изо всех сил стараясь взять себя в руки. – У них есть знания, которых нам не достичь и за сотни лет. Без них нам пришлось бы начинать все с нуля. И ты веришь, что любая из наших жизней значит не меньше, чем жизнь одного из них?

Эмори так часто слышала эту историю от Сета, что могла бы пересказать ее дословно, копируя интонацию. Девяносто лет назад на всех континентах Земли открылись огромные воронки, в которые обрушились целые города. Из воронок повалил странный черный туман, полный светящихся насекомых, которые раздирали в клочья все живое, что попадалось им на пути. Ни одно государство мира не могло сдерживать туман, какие бы меры ни принимало.

Прошел год, и туман захватил всю Землю, но целые страны погрузились в междоусобицы и варварство задолго до того, как погибнуть физически. Единственным маяком надеж-

ды была трансляция Ниемы, которая звала всех выживших на маленький греческий остров.

Она была тогда главным научным сотрудником огромной лаборатории под названием институт Блэкхит, и ей удалось построить барьер, сдерживающий туман. Ниема обещала безопасность всякому, кто доберется до ее острова.

Сделать это удалось немногим – лишь несколько сотен измученных скитальцев достигли заветного острова, но это оказалось только началом их испытаний. Беженцы выросли в мире, где еда и лекарства покупались в магазинах, а выживание человека зависело больше от его финансов, чем от навыков. Любая нужная информация бралась с экранов и сразу шла в дело, не оставляя по себе ничего в головах пользователей. А когда экранов не стало, оказалось, что люди не знают, как вести хозяйство, добывать пищу и ремонтировать старые здания, которые давали им кров.

Тяжелые годы шли один за другим, сокращая число беженцев. Почти каждый месяц кто-нибудь погибал под обломками каменной кладки или сгорал в случайном пожаре. Люди царапались о ржавые гвозди – и мучительно умирали, мечась в жару. Они не умели отличать ядовитые грибы от съедобных и купались в те месяцы, когда море кишело ядовитыми медузами и акулами.

Жизнь давалась трудно, а смерть – легко, и многие добровольно отказались от борьбы. К счастью для человеческого рода, те первые беженцы успели родить детей, и именно от

них происходят все жители деревни.

Трое старейшин – это последние из тех ста семнадцати ученых, которые жили и работали в Блэкхите, когда появился туман. В их крови еще действуют прививки, усовершенствования и технологии, которые были в ходу до конца света. Старейшины медленно стареют, никогда не болеют, и все относятся к ним с инстинктивным почтением, которого, по словам Эмори, заслуживает только Ниема.

– Почему ты должна быть... – Сет утыкается лбом в шершавый корпус лодки. Он добрый человек и потому не решается высказать свою мысль напрямую, однако его доброты не хватает на то, чтобы отказаться от намеков.

– Не такой, как все? – подсказывает ему Эмори.

Он горько машет рукой туда, откуда доносятся музыка и смех:

– Все счастливы, Эмори. Люди просто счастливы. Это не сложно. Мы все знаем, что у нас есть, и мы благодарны за это. Почему тебе так нужно сомневаться?

– А что у нас есть, папа? – спрашивает Эмори тихо. – Развалины деревни. И остров, который нам нельзя исследовать без разрешения.

– Это опасно! – машинально вставляет он.

– Тогда почему в школе нас не всех учат выживанию? Я люблю Ниему, но скажи мне честно, что ты думаешь о Тее и Гефесте? Разве они вносят такой большой вклад в развитие деревни, чтобы освободить их от правил, которым обязаны

следовать мы все? Разве справедливо, что они не умирают в шестьдесят, как мы? Почему они не выращивают овощи, чтобы добывать себе еду, не работают посменно на кухне, не помогают убирать...

– Они делятся знаниями!

Эмори отшатывается от его крика, как тьма от пламени свечи. Их спор бессмыслен, и она это знает. Отец никогда не усомнится в старейшинах сам и не поймет ее сомнений. И чем чаще она спорит с ним на эту тему, тем большее раздражение она у него вызывает. Видимо, оно вот-вот достигнет предела.

– Я возвращаюсь на поминки, – говорит она, сдаваясь. – Матису что-нибудь передать?

– Я говорил с ним сегодня утром, – отвечает Сет, наклоняясь за брошенным молотком.

6

Стемнело, в деревне звонит колокол, объявляя комендантский час, а это значит, что у жителей есть пятнадцать минут на отход ко сну. Почти все уже в общежитии, где чистят зубы и жгут лемонграсс, чтобы отпугнуть комаров. В окнах весело мигают огоньки свечей, рассеивая ночной мрак.

В каждой комнате общежития спят по несколько человек, иногда до восьми, на тех же железных койках, на которых спали солдаты, когда здание была казармой, только те-

перь матрасы набиты соломой, а подушки – перьями. Одежда здесь не нужны. Даже зимой на острове жарко.

Во дворе для прогулок остались только дежурные жители деревни, они занимаются уборкой. Пока Шилпа гасит свечи на столах, Ребекка, Аббас, Йоханнес и Йовель расставляют вымытые тарелки на полках летней кухни.

Магдалина и другие родители зовут детей, которые спрятались под столом, а до этого минут двадцать бегали от взрослых из одного темного места в другое.

Беглецов выдает их хихиканье.

Когда Эмори входит в ворота, самые проворные из взрослых уже несут изловленных беглецов в постель. Конечно, у каждого ребенка есть родитель, но это скорее эмоциональное название, а не реальные отношения. Вообще-то, детей воспитывает деревня. Другого способа хорошо сделать эту работу не существует.

– Даже не знаю, кто из вас смешнее, – раздается голос в темноте.

Эмори оборачивается и видит Матиса: он сидит в темном углу на скамейке и макает кусок фокаччи в миску с подсоленным оливковым маслом. На шее у старика шнурок с красивым зеленым самоцветом.

Все жители деревни, которые умирают своей смертью в шестьдесят лет, сдают мне свои воспоминания. Пока они делают свои последние вдохи и выдохи, я каталогизирую все переживания, которые скопились у них за жизнь – включая

те, которых они не помнят, – и сохраняю их на неопределенный срок в этих зеленых кристаллах, позволяя другим пережить их заново, когда те пожелают. К сожалению, жители деревни надевают камни памяти только на свои похороны, так что с кристаллами всегда связаны мрачноватые ассоциации.

Матиса дружески держит за руку Ниема. Ее голубые глаза красны от недавних слез.

– Ты, как всегда, начал с середины, – бросает Эмори, еще колючая после ссоры с отцом.

– Будь со мной поласковее сегодня, я же при смерти, – говорит он, отправляя в рот кусок хлеба.

Эмори всматривается в лицо деда в поисках намека на страх, который он должен испытывать, но он преспокойно жует, веселый, как обычно. «Так не честно», – эгоистично думает она. Он же здоров и силен. Будь он старейшиной – проснулся бы завтра как ни в чем не бывало.

Ей нужно еще время.

Ей нужно, чтобы дед продолжал оставаться центром ее жизни, каким был всегда; так же должно быть и дальше. Она хочет завтракать с ним по утрам, наблюдая, как его толстые пальцы неуклюже выбирают косточки из киви. Хочет слышать, как он хохочет на весь двор. Она хочет знать, почему ее дед, такой добрый, талантливый и сильный, должен умереть в шестьдесят лет, подчиняясь правилу, придуманному задолго до его рождения.

– Я вас оставляю, поговорите пока, – говорит Ниема, вста-

вая и нежно кладя руку на плечо Матиса.

Она смотрит на него какое-то время, потом наклоняется, шепчет что-то ему на ухо, целует в щеку и уходит.

– Что она сказала? – спрашивает Эмори.

– Пять, пять, – отвечает он, жуя хлеб.

– Что это значит?

– Понятия не имею. – Он пожимает плечами. – Я годами слышу от нее это, всякий раз, когда мне грустно или я подавлен. Однажды я спросил ее, что это значит, а она сказала, что это карта будущего, но так ничего и не объяснила.

– А тебе разве не интересно? – раздраженно спрашивает Эмори.

– Интересно, конечно, но если бы она хотела объяснить это мне, то объяснила бы.

Вытирая с рук масло и крошки хлеба, Матис тяжело встает и берет Эмори под руку.

– Как прошла ссора с отцом? – спрашивает он, меняя тему. – Отвлекла тебя от грусти? Ты ведь за этим ходила к нему.

Эмори бросает взгляд на залив, на лужицу света от фонаря у моря и тихо улыбается, и не думая отрицать правоту деда.

– Ага, мне стало легче, – сознается она.

– Ему, наверное, тоже. Вы с ним похожи. Ты, как и он, бежишь навстречу тому, что тебя пугает, и прочь от того, что любишь, – озадаченно говорит он. – Знаешь, а я закончил

скульптуру. Пойдем, посмотришь.

Они выходят в прогулочный двор, где всю последнюю неделю работал Матис. Там на цыпочках стоит каменная Эмори, в ее руках – каменное яблоко, как будто только что сорванное с ветки настоящей яблони над ней.

– Тебе нравится? – спрашивает Матис, когда Эмори кладет подбородок ему на плечо.

– Нет, – честно отвечает она.

– Почему?

Ему любопытно, но он не обижен. Искусство в деревне – не святыня. Это настоящая общественная деятельность, почти всегда шумная, иногда отдающая вульгарностью. Поэта, которые читает вслух свои стихи, могут прервать каким-нибудь дурацким вопросом, ансамбль прямо посреди песни меняет музыканта, если тот не справляется с ритмом. Если актеру случится забыть реплику, зрители подсказывают ему, иногда придумывая свои, посмешнее. Бывает даже, что зрители полностью берут на себя роль. Эмори видела, как по ходу действия переписывались целые акты.

– Потому что она ничего не видит, не задает вопросов и совершенно счастлива здесь, – отвечает Эмори на вопрос деда. – Я – единственный человек в деревне, на кого она совсем не похожа.

Матис фыркает, хлопая себя по ляжке.

– И ты единственная, от кого можно услышать такой ответ, – восторженно восклицает он.

Эмори смотрит на огоньки в окнах общежития, наблюдает за силуэтами внутри, как они расчесывают волосы, готовясь ко сну.

– Я люблю нашу деревню, правда люблю, – говорит она тихо. – Просто я... есть вещи, которых я не понимаю, а все делают вид, будто их нет или что они есть, но это нормально.

Ее мысли обращаются к детству, когда она впервые обнаружила, что старейшины не ложатся спать с началом комендантского часа. Даже ребенком она понимала, что это несправедливо, но почему-то никого больше это не волновало.

Я объяснила ей тогда, что жителям деревни требуется больше отдыха, чем старейшинам, но она не поверила мне. Ее сомнения окрепли, когда однажды утром она проснулась и нашла у себя в пятке занозу, которой не было там, когда она ложилась спать. Еще через две недели она обнаружила у себя на бедре свежую царапину, потом синяки на руке. Она так и не узнала, откуда они взялись.

Каждый раз я пыталась убедить ее, что она ошиблась, что повреждения уже были на ее теле, когда она ложилась спать, но Эмори была слишком наблюдательна, чтобы поверить в такую очевидную ложь. Она спросила отца, что с ними происходит, когда они засыпают, но он воспринял ее вопрос как богохульство. Она спросила мать, но та заявила, что слишком занята, ей некогда объяснять. Она спросила Матиса, а тот рассмеялся и взъерошил ей волосы. Тогда она подняла

руку в классе и задала этот же вопрос Ниеме, которая задержала ее после уроков.

– Иногда мы будим вас после начала комендантского часа, – призналась она юной Эмори, похвалив ее за смелость.

– Зачем?

– Чтобы вы помогли нам.

– В чем?

– Я не могу тебе этого сказать.

– Почему мы ничего не помним?

– Потому что так лучше для вас, – немного виновато ответила Ниема.

Выйдя из класса, Эмори поделилась своим знанием со всеми в деревне, сразу и восхищаясь силой своих вопросов, и ужасаясь ограниченности полученных ответов. Она думала, что все будут поражены ее открытием, но большинство ее друзей, услышав новость, только пожали плечами, а кое-кто испугался ее дерзости.

С тех пор ничего не изменилось.

Яркую, солнечную жизнь деревни продолжает омрачать какая-то тень, и никого, кроме Эмори, не волнует, что в ней таится. Иногда она наблюдает за своими друзьями во время ужина и чувствует, что так же далека от них, как и от старейшин.

– Почему никто ни в чем не сомневается? – спрашивает она деда, снова возвращаясь мыслями к нему.

– Им нравится быть счастливыми, – просто говорит он.

– Ну и пусть будут счастливыми, разве я мешаю?

– Ответы, которых ты ищешь, – вот что может им помешать, – отвечает он, отмахиваясь от комаров; в сумерках они всегда наступают густыми, неумолимыми волнами.

– Это моя последняя ночь здесь, – продолжает Матис как ни в чем не бывало. – Вот почему я все же скажу тебе то, что хотел сказать уже давно. Завтра утром, когда ты проснешься, у тебя станет на одного друга меньше, а у тебя и так с ними небогато. Отчасти это твоя вина. Ты умная девочка, Эм, но ты всегда была нетерпелива с теми, кто видит мир иначе, чем ты. Это не было проблемой, пока к ним не примкнула Клара.

– Клара выбрала Тею, – категорично заявляет Эмори.

– А Тея тебе не нравится.

– Она убила Джека. – Ее голос дрожит на имени мужа.

– Джек мертв, потому что он вышел в море в шторм и утонул, – замечает Матис.

– Но это был приказ Теи, – возражает Эмори. – Джек и все, кто был с ним в лодке, утонули, потому что они склонили головы и беспрекословно выполняли то, что им велели. Они не первые и не последние. Люди, которые выбирают Тею, умирают, а я не хочу, чтобы Клара стала одной из них.

Матис берет ее руки в свои, утишая ее гнев.

– Какой смысл любить кого-то настолько сильно, чтобы вызывать у этого человека отвращение своей любовью? Клара уже потеряла отца. Нельзя, чтобы она потеряла еще и мать. Будешь продолжать в том же духе, и лет через десять

говорить разучишься – не с кем будет.

Эмори выдерживает его взгляд так долго, как только может, но все же опускает сначала глаза, а потом голову.

– Я буду скучать по тебе, – говорит она.

– Только не долго, – отвечает он. – Чем чаще оглядываешься на прошлое, тем больше пропускаешь из настоящего. Не повторяй ошибку отца.

Согнув большой палец, он проводит его шершавым боком по лицу внучки, вытирая ее слезы.

– Кстати, ты видела моего безнадёжного сына?

– Он в заливе, сердится и чинит лодку.

– Он так и не научился грустить, – отвечает Матис со вздохом.

Пожав ей руку, он идет к воротам. На мгновение Эмори кажется, что она видит сгорбленную фигуру там, во мраке, но стоит ей моргнуть, как фигура исчезает.

– Я пойду с тобой, – говорит Эмори, понимая, что это ее последний шанс побыть вместе с дедом.

– У меня есть слова, которые должен услышать только он, – отвечает Матис серьезно. – Самое время их сказать. – Он оглядывается через плечо на внучку. – Твой отец всегда был слишком суров к тебе, Эмори, но он любит тебя по-настоящему.

– Хотела бы я тебе поверить.

– А я бы хотел, чтобы у тебя не было причин сомневаться.

Эмори смотрит, как дед в последний раз покидает дерев-

ню, когда я мягко подталкиваю ее к движению.

– До комендантского часа шесть минут, – говорю я. – Иди к себе, а то заснешь здесь.

Эмори бросается прочь, стуча подошвами сандалий по сухой земле, но останавливается, заметив Ниему и Гефеста, которые препираются у металлической лестницы, ведущей в ее общежитие.

– Ты же обещала мне, что с этими экспериментами покончено, – гортанно кричит Гефест.

Ярость в его голосе заставляет Эмори испуганно попятиться. Гефест на фут выше и в два раза шире любого жителя деревни. Волосы у него обкромсаны кое-как и где-то торчат, как щетка, а где-то свисают ключьями, на правой стороне лица вмятина. У него огромные ладони. И руки. И ноги. И грудь. Матис как-то пошутил, что, захоти он создать статую Гефеста, лучше всего было бы обтесать для этой цели вулкан за деревней.

– Ты что, не можешь подождать до комендантского часа? – шипит Ниема, вглядываясь в своего сына. Она кажется такой маленькой в его тени, прямо кукла из веток и бечевки с клоком сена вместо волос.

– Мы же должны их защищать, – умоляюще говорит он.

– От них самих, – парирует Ниема, понимая, что ей не удалось увести разговор в сторону. – А для этого нужны жертвы.

– Жертва – это когда у них есть выбор. А когда выбор за них делаем мы, это убийство.

Эмори задыхается, потрясенная тем, что это ужасное слово брошено так небрежно, даже без повода в виде книги.

– Нет, если это сработает, – настаивает Ниема.

– Раньше же никогда не работало. И теперь это ничем не лучше смертного приговора.

– Теперь я знаю, что мы делали неправильно, Гефест, – говорит она вкрадчиво. – Я адаптировала процедуру. На этот раз все пройдет успешно.

Столкнувшись с непоколебимостью сомнений сына, Ниема берет его тяжелые ладони в свои, поворачивает их, чтобы осмотреть шрамы и ожоги, пятнающие его кожу.

– Знаешь, это ведь из-за тебя я начала эти эксперименты, – печально говорит она. – Никогда не забуду тот день, когда тебя выбросило на остров. Ты был полумертв, истерзан почти до неузнаваемости. Я думала, что это туман, но потом ты рассказал мне о бандах и лагере, где тебя держали.

Она протягивает руку, касается шрама на его щеке.

– Я поклялась тогда, что не позволю этому повториться. – Ее голос твердеет, в нем звенит гнев. – Да, мы рискуем жизнью невинного человека, но подумай о том, какая награда нас ждет, если наш эксперимент увенчается успехом. Каждое поколение, которое придет вслед за этим, будет жить в мире, не опасаясь войн, насилия и преступлений. Ни один человек никогда больше не пострадает от руки другого. Мы позволим им свободно бродить по острову, не опасаясь того, на что они могут употребить эту свободу. Оцени это долж-

ным образом, дорогой. Подумай о том, сколько пользы мы можем принести одним-единственным поступком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.